

Суверенитет vs развитие. Экономика Беларуси в контексте актуальных тенденций мирового развития

Шамахов В. А.¹, Межевич Н. М.², *

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Концепция суверенитета в настоящее время является сквозной и общенаучной проблемой. Применительно к российско-белорусским отношениям она, прежде всего, связана с вопросами экономического суверенитета. В идеальном варианте решение теоретических вопросов и практические действия в сфере интеграции должны быть разнесены по времени. Однако на практике это получается не всегда.

Страновые экономические модели — не новый предмет исследования. Тем не менее, применительно к Беларуси таких работ не так много. В статье авторы попытались не только показать существенные моменты белорусской экономической модели. Необходимость развития интеграции в рамках союзного государства России и Беларуси практически никем не оспаривается. Однако на практике эта интеграция идет достаточно медленно. С нашей точки зрения, одной из причин данного положения является невнимание к тому обстоятельству, что за 30 лет постсоветского развития в Белоруссии, как и на всем постсоветском пространстве, сложились разные экономические модели. Понимание экономического суверенитета в эпоху глобализации 2.0. — сложная задача для теоретиков и практиков. Как совместить традиции суверенитета и необходимость углубления интеграции? Этим вопросам посвящена данная статья.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Беларусь, межгосударственные объединения, суверенитет, глобализация, транснационализация, Европейский союз, экономическая модель, Беларусь, государства Прибалтики, государственный сектор, страновые особенности, социальная политика

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. Суверенитет vs развитие. Экономика Беларуси в контексте актуальных тенденций мирового развития // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 10–20.

Sovereignty vs Development. Belarusian Economy in the Context of Current Trends in World Development

Vladimir A. Shamakhov¹, Nikolay M. Mezhevich², *

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation

² Institute of Europe of Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; mez13@mail.ru

ABSTRACT

The concept of sovereignty is now a cross-cutting and general scientific problem. In relation to Russian-Belarusian relations, it is primarily related to issues of economic sovereignty. Ideally, the solution of theoretical questions and practical actions in the field of integration should be spaced over time. However, in practice this is not always possible.

Country economic models are not a new subject of study. However, there are not many such works in Belarus. In the article, the authors tried not only to indicate significant points of the Belarusian economic model. The need to develop integration within the framework of the union state of Russia and Belarus is practically not disputed by anyone. In practice, however, this integration has been slow. From our point of view, one of the reasons for this situation is the inattention to the

fact that over 30 years of post-Soviet development in Belarus, as well as throughout the post-Soviet space, different economic models have developed. Understanding economic sovereignty in the era of globalization 2.0 is a difficult task for theorists and practitioners. How to reconcile the traditions of sovereignty and the need to deepen integration? This article is devoted to these issues.

Keywords: Russian Federation, Republic of Belarus, interstate associations, sovereignty, globalization, trans-nationalization, European Union, economic model, Belarus, Baltic states, public sector, country features, social policy

For citing: Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Sovereignty vs Development. Belarusian Economy in the Context of Current Trends in World Development // Administrative consulting. 2020. N 6. P. 10–20.

Дискуссия о ключевых тенденциях мирового развития — глобализации и регионализации — не может быть признана новой. Все экономические кризисы последних десятилетий возвращали эти вопросы в центр внимания академического и экспертного сообщества. Вопрос о суверенитете, строго говоря, первичен по отношению к парадигме «глобализация — регионализация». Это справедливо, по крайней мере, с Вестфальского мира, после 1648 г. этот вопрос никогда не покидал площадки академических дискуссий.

Новым является то, что вопросы экономического суверенитета становятся весьма обсуждаемыми не юристами и экономистами, как следовало бы предположить, исходя из сути вопроса, а международниками и регионоведами. Переходя к рассматриваемому региону, отметим, что суверенизация в Беларуси может и должна рассматриваться в контексте не только национального выбора, но и выбора других республик бывшего СССР [21].

Прогнозирование в сфере тенденций глобального развития — задача, с одной стороны, сложная, с другой стороны, весьма популярная. Результатом этого противоречия является то, что прогнозов много, но оправдавшихся прогнозов существенно меньше. В этом контексте обращает на себя внимание следующий программный тезис Ф. Лукьянова: «Объективно глобальный капитализм многократно превосходит национальный по своему потенциалу, но уступает по способности найти общественную опору, то есть фундамент реальной власти» [11]. Это программный тезис из 2015 г., но как актуален он сейчас, в 2020-м. Что означает эта позиция для оценки экономических и политических процессов в Республике Беларусь?

Резко изменившаяся в 2020 г. ситуация в мировой, российской и белорусской экономике остро поставила вопрос о самодостаточности и внутренней устойчивости национальных экономик. Затем выяснилось и то, что для самых разных стран, от США и Великобритании, до России и Беларуси, стал актуален вопрос об эффективности политических режимов в новых экономических условиях [28]. Все эти вопросы актуализировались на фоне выраженной тенденции к стагнации мировой экономики в целом.

Тенденции экономического и политического развития Республики Беларусь следует рассматривать в контексте глобальных экономических и политических процессов, европейских экономических и политических тенденций развития и, естественно, политических и экономических практик России — важнейшего партнера Республики Беларусь.

Внимательное рассмотрение глобальных тенденций позволяет лучше понять текущие экономические и политические практики в Республике Беларусь. Распространившееся мнение о том, что экономическая и политическая модель Беларуси лишена какой-либо теоретической логики или вообще является экономическим волюнтаризмом — ошибочно. Белорусская суверенизация и многовекторность — достаточно понятный и закономерный результат ряда глобальных и региональных

тенденций, которые в совокупности можно свести к известной формуле из русифицированного Кипплинга: «Каждый сам за себя».

Понимание этого обстоятельства не предполагает того, что мы отрицаем региональную и национальную специфику экономической модели Республики Беларусь. Равным образом вышесказанное и не означает того, что мы отрицаем влияние специфической политической модели республики на систему принятия экономических решений. Вместе с тем попытка рассматривать экономическую суверенность и политическую многовекторность Республики Беларусь исключительно через призму политики Президента Республики Беларусь — контрпродуктивна.

Мировые, европейские, российские процессы и тенденции, «маскируясь» национальной и региональной спецификой, представляются разнонаправленными. Однако, строго говоря, таковыми они не являются. Разговоры о том, что мир идет в одном направлении, а Беларусь в другом, базируются на предвыборных эмоциях, но не академическом анализе.

Обозначим наиболее важные из этих общих тенденций.

Во-первых, фиксируется общий и масштабный крах либеральной идеологии и экономической практики. «Многие европейцы привычно считали, что если неолиберализм все же пережил экономические разрушения, которые он причинил, без особенного ущерба, то, вероятно, является верным учением. Однако всего лишь десятилетие спустя коронавирус побудил людей пересмотреть роль правительства в их жизни» [10]. Это происходит в Вашингтоне, Москве, Минске. Но есть нюанс: в Минске либерализм не был победителем, он еще не успел стать примером, как стал глобально скомпрометированным и маргинальным.

«История либеральной мысли продемонстрировала, что либерализм может быть вместилищем гуманистической традиции в союзе с левой идеей. Такой союз привел к внедрению практики социального государства и социального рынка, создал феномен государства благосостояния, на котором здесь, до сих пор, во многом зиждется социальный мир в Европе» [7, с. 10]. Соглашаясь с мнением директора Института Европы РАН, отметим следующие ключевые слова: «до сих пор, во многом». Иными словами, социальный мир в Европе это не столько достижение будущего, сколько воспоминание о прошлом [29]. Консервативные и неоконсервативные тенденции стремительно набирают сторонников, «чувство принадлежности к значимой общности успокаивает и позволяет пережить период турбулентности. Очевидными ориентирами на этом пути оказываются религия, народ и государство» [19]. В этих условиях призывы белорусской оппозиции к применению ультралиберальных рецептов опоздали лет на 25.

Во-вторых, мы видим кризис интеграции во всех значимых экономических объединениях. Наднациональность и субсидарность¹ отстают, суверенитет кажется оптимальным выходом, по крайней мере на данном этапе. Любой интеграционный процесс — длительная процедура, которая зависит от многих факторов и от складывающейся конъюнктуры. Можно ли считать приоритетной задачей исследование «конкуренции двух альтернативных интеграционных пространств в качестве интеграционных центров...» [8, с. 13]? Вероятно, нет. Масштабные проблемы европейской интеграции очевидны. «...Привычное для официального Брюсселя отождествление Европы с собой, а по сути, присвоение себе права говорить от имени всех европейских народов, теперь теряет основания. За пределами Евросоюза остаются не только Россия, Украина, Белоруссия, Швейцария, Норвегия, Исландия и другие страны, без которых немислима современная европейская культура. К когорте “аутсайдеров” подключается Великобритания, которая сыграла огромную роль в процессе формирования теории и практики представительной демократии» [2, с. 21].

¹ См. подробнее: [23].

Впрочем, точно такая же ситуация складывается и в ЕАЭС [12]. Экономическая и эпидемиологическая ситуация от Лиссабона до Владивостока (как, впрочем, и Ванкувера) уже привела к ресуверенизации даже в тех вопросах, где победа интеграции казалась абсолютной. «Политическое руководство национальных государств может вернуть себе (и возвращает) ряд полномочий и функций, которые раньше передавались на другой уровень (международный или региональный)» [17]. Критиковать политические решения, принимаемые в рамках национальной юрисдикции, но в интеграционных объединениях, можно, но не эффективно. Да, на примере ЕС, ЕАЭС и тем более БРИКС, мы видим, что «в наибольшей степени повальное нарастание национального эгоизма проявилось в ходе эпидемии коронавируса 2020 года: подавляющее большинство усилий по борьбе с пандемией предпринималось на уровне отдельных государств...» [1]. Сказанное не отрицает справедливость подхода, четко сформулированного нашим белорусским коллегой: «Активизация взаимодействия между государствами будет также способствовать не только экономическому развитию стран отдельного региона, но и окажет влияние на мировые экономические процессы» [30, с. 113].

Перейдем к анализу ключевых характеристик белорусской экономической модели. Опишем некоторые остальные ключевые особенности развития национальной экономики, признаки ее переходного состояния, характер реализуемой экономической модели. «Экономическая модель развития является неотъемлемой частью понимания, с одной стороны, исторического становления страны, а с другой — служит предопределяющим фактором для характеристики экономических перспектив дальнейшего развития» [13, с. 60].

Белорусская экономика к началу второго десятилетия XXI в. претерпела переход от преимущественно интенсивного к преимущественно экстенсивному типу экономического роста, где на 1% количественного роста приходится всего 0,82% роста продуктивности. Высокая материалоемкость белорусской промышленности при недостаточно высоком технологическом уровне производства является проблемой, трудно решаемой в рамках действующих экономических практик [4]. Это обстоятельство заставляет руководство Республики искать иные, не столько альтернативные, сколько дополняющие варианты обеспечения экономического роста. Обращение к экономической интеграции в этом контексте — вариант не новый, но проверенный временем и мировым опытом [15]. Мы понимаем, что Беларуси необходимо добиваться укрепления своего суверенитета, дальнейшего становления независимого государства, имеющего собственные национальные и геополитические интересы. При этом в теории многовекторность выглядит как идеальный, но трудно реализуемый вариант [см.: 16].

Важнейший вопрос — оценка роли государства в экономике. Государственный сектор в экономике Беларуси несколько более развит, чем в России. Крупные промышленные предприятия, построенные в СССР, были акционированы на национальном уровне и частично остались в государственной собственности. Частный капитал в высокой степени определяет развитие средней и мелкой промышленности, сферы обслуживания. Велика роль личных хозяйств на селе, но крупные агропроизводители де-факто государственные. В Беларуси проводится активная политика поддержки национальной промышленности, крупных экспортеров и сельского хозяйства. По состоянию на 2010 г. это контрастировало с российскими практиками, но сегодня таких различий нет, что связано с изменениями в России, а не Беларуси.

Ключевой параметр модели — оценка роли государства. Госсектор в Беларуси дает около 70% ВВП [25, с. 9]. В 2013 г. частный сектор давал 58,4% всего экс-

порта страны и обеспечивал занятостью 49,4% всех трудовых ресурсов [22, с. 32]. Сейчас ситуация принципиально не изменилась.

По мнению ряда белорусских экономистов, эффективность госсектора в Беларуси далека от идеала: «об относительно низкой эффективности государственного сектора свидетельствует и структура ВВП, где при доле инвестиций в основной капитал от 65,6–73,5% доля валовой добавленной стоимости (ВДС), созданной государственными предприятиями и частными предприятиями с долей государственной собственности, не превышала 57,3%» [9, с. 62]. Согласимся с данным выводом, но отметим то, что констатация факта еще не является развернутым набором рекомендаций по их преодолению.

По этому вопросу сошлемся на мнение ведущих российских экономистов В. А. Мау и Е. Г. Ясина, высказанное еще в 2012 г.: «...кризис в одинаковой мере можно объяснить как „провалами рынка“ (избыточным дерегулированием), так и “провалами государства”, неспособного обеспечить стабильность экономического роста. Постепенно становилось все яснее, что действительно требуется усилить государственное регулирование, но относится это, прежде всего, к финансовым рынкам» [14, с. 4].

Желание разгосударствления экономики понятно с политической точки зрения, на уровне экономической теории ситуация существенно сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Ситуация в Беларуси предполагает усилить роль сферы услуг. Профессор Е. Т. Гайдар писал: «Сам рост доли услуг в ВВП в условиях постиндустриального общества — важный фактор роста государственной нагрузки на экономику» [5, с. 13]. Однако при этом Е. Т. Гайдар ссылается на профессора Г. Стиглера, который одним из первых указал на то, что значительная часть деятельности государства связана с предоставлением услуг и тем самым повышает долю госсектора в ВВП [31].

Если первый тезис Гайдара цитируется непрерывно, то его генезис практически не раскрывается. В чем же причина? «Белорусские оппозиционные экономисты, как правило, известны не экономическими трудами, а оппозиционными лозунгами, что опять же отличает их от российских коллег конца XX в.» [27, с. 39].

Белорусская оппозиция закономерно называет себя меньшинством, позиционируя себя следующим образом: «Представители белорусского меньшинства активно осваивают ценности модерна. Они не противники Лукашенко (?), они противники авторитаризма, в то время как представители большинства являются типичными советскими людьми, не способными выжить в условиях рыночной экономики без поддержки со стороны “сильного государства”» [18, с. 81]. Предположим, оппозиция победит, уничтожит государственный сектор и получит почетные грамоты в Брюсселе и Вашингтоне, — что будет делать 97% населения? Продавать драники друг другу?

Сохранение крупного государственного сектора во всех основных отраслях экономики в республике часто подвергается критике. Однако справедливо указывается на то, что, не решившись на масштабную приватизацию крупного госсектора в первой половине 1990-х гг., Беларусь избежала массового вывода производственных активов за рубеж, как это, например, произошло в России. Это позволило поддерживать большинство предприятий в рабочем состоянии, сохранив их производственные мощности и персонал. Идеология и практика либерализма практически не прижились на белорусской земле. К сожалению, в России «в начале 90-х годов псевдолибералы призывали государство вообще уйти из экономической жизни. Это привело к тому, что появилась группа лиц, присвоивших при антинародной приватизации природные богатства страны, ее экономический потенциал и претендовавших на власть в России. В результате

российская экономика потеряла за 90-е годы больше, чем за время Второй мировой войны»¹.

Россия является основным кредитором финансовой системы страны, кроме того, существует система замаскированных дотаций, проходящих через нефтяные акцизы и структурные фонды интеграции. Ухудшение положения в России автоматически подрывает финансовые показатели Беларуси и неминуемо приведет к девальвации и инфляции, соответственно, к ухудшению уровня жизни населения.

В республике без большой огласки введен комплекс понятий «нефтяной спрэд», представляющий собой разность между логарифмами цен на нефть в мире и для Беларуси. Фактически экономический рост в Беларуси определяется нефтяным спрэдом и характером движения ВВП России, иные же переменные не оказывают определяющего воздействия на динамику национального ВВП [3].

Белорусские экономисты считают, что падение ВВП России на 1% автоматически уменьшает ВВП Беларуси на 0,8%, однако это лишь первичная реакция. С учетом примерно трехквартального временного лага, и при отсутствии механизмов выравнивания, действующих в настоящее время, ситуация будет обратная: падение ВВП в России на 0,8% — падение ВВП Беларуси на 1–1,2%. Данное обстоятельство в республике отмечено на уровне министра экономики: «ВВП прямо или косвенно наполовину зависит от России»².

Относительно низкая средняя зарплата в стране требует развития государственной сферы услуг. Большая часть населения имеет такую низкую зарплату, что не может оплачивать по полной рыночной стоимости услуги ЖКХ, строительство жилья, услуги здравоохранения, образования, общественного транспорта, спортивных комплексов. В бюджетах семей около 50% расходов идет на питание и одежду, что является показателем низкого уровня жизни в стране. Александр Готовский, заместитель директора Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, справедливо отмечал, что номинальная зарплата в 500 долларов при относительно низком сопоставимом уровне цен в Беларуси по сравнению с развитыми странами по своей покупательной способности соответствует уровню стран Центральной Европы и стран Балтии [6].

Подведем промежуточный итог. Сложившаяся ситуация может быть охарактеризована как кризис действующей национальной модели экономического развития. Его причины прослеживаются на всех трех уровнях: европейском, постсоветского пространства, национальной экономики.

Экономика ориентированной на масштабные внешнеэкономические связи страны оказалась под влиянием негативных процессов, протекающих в мировом и европейском хозяйстве. Кризис европейской экономики — это не только проблемы финансовых и фондовых рынков, обусловленных мировым финансово-экономическим кризисом. Это деиндустриализация, структурные ошибки в сельском хозяйстве, падение эффективности сферы обслуживания. Все это создает предпосылки для ухудшения внешнеэкономических связей в западном направлении.

Не менее половины негативных предпосылок развития сложной ситуации в экономике Беларуси — это санкции против главного торгового партнера страны, падение цен на нефть, девальвация российского рубля, сужение российского рынка. Все это привело к естественному и резкому падению сбыта продукции на рынках

¹ *Примаков Е. М.* Современная Россия и либерализм [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск от 18 декабря 2012 г. № 5964. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/17/primakov.html> (дата обращения: 17.12.2019).

² *Снопков Н.* ВВП Беларуси наполовину зависит от России [Электронный ресурс] // БелаПАН. Белорусская информационная компания. URL: http://belapan.com/archive/2014/12/11/746092_746092/ (дата обращения: 24.06.2020).

ключевых партнеров Беларуси — России, Украины и Казахстана, всем постсоветском пространстве.

Экономическая интеграция была, есть и будет выгодной для Республики Беларусь. Тем не менее, в 2019 г. и в начале 2020 г. вокруг интеграционных процессов преобладающий фон — негативный. Более того, подобные точки зрения озвучиваются не в оппозиционных СМИ, а в академических экономических журналах: «Основная проблема для белорусской экономики состоит в том, что по состоянию на 2018 г. в России было реализовано 350 проектов импортозамещения, еще 780 будут реализованы в ближайшие годы, на их финансирование будет направлено порядка 1,3 трлн росс. руб.» [20, с. 25]. К сожалению, автор не объясняет, как развитие импортозамещения тех отраслей, которые были представлены поставками из ЕС и которые отсутствуют в Беларуси, могут быть для нее проблемой. К примеру, энергетическое машиностроение и двигателестроение (судовые механизмы и двигатели для вертолетов).

Наша точка зрения абсолютно противоположна и заключается в том, что в промышленном секторе Республика Беларусь была основным бенефициаром от евразийской интеграции и от торгово-санкционной войны между Россией и Западом. Значительное увеличение своей доли в российском импорте было достигнуто в таких областях, как: полуфабрикаты из текстиля и одежды; готовые химикаты (включая фармацевтические препараты) — от 1,7 до 3,5%; транспортное оборудование — от 2,7 до 5,4%, в частности автотранспортное и железнодорожное оборудование (последнее — от 0 до 15%); лифты (от 12 до 25%)¹.

В существующей форме белорусская экономическая модель может существовать исключительно при российской поддержке. Решением проблемы повышения конкурентоспособности мог бы стать переход от патерналистской, квазиресурсной модели развития экономики к постиндустриальной и инвестиционной. Однако этот путь неизбежно предполагает жесткие и непопулярные реформы, шоковую терапию в версии второго десятилетия XXI в. Это невозможно перед выборами и практически исключено после них.

Исходя из специфики историко-культурных условий страны, отметим, что даже при такой низкой эффективности экономического развития запрос на реформы будет в среднесрочной перспективе достаточно скромным и не затрагивающим ее ключевые характеристики.

Россия и Беларусь встретили 2020 год с большим количеством взаимных разногласий, возможно, самым большим за все годы существования форм постсоветской интеграции.

Противоречия возникли не одномоментно, а накапливались достаточно долго. При этом кризисы могут давать новые возможности развития. Об этом мы писали ранее: «Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., а затем политический кризис на Украине 2014 г., последовавший за этим кризис в отношении России и Запада способствовали сначала запуску, а затем и активизации интеграционных процессов на евразийском постсоветском пространстве и подтолкнули к обновлению интеграционной стратегии стран — участниц евразийской интеграции с учетом не только регионального, но и глобального контекста (речь идет, в частности, о создании зон свободной торговли со странами вне постсоветского пространства)» [26, с. 29].

Закономерен вопрос, существует ли возможность обратить текущий кризис в новые возможности евразийской интеграции и российско-белорусского сотрудниче-

¹ Kofner J. Did the other EAEU Member States Profit from Eurasian Integration and Russia's Countersanction Policy? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.institutfuersicherheit.at/did-the-other-eaeu-member-states-profit-from-eurasian-integration-and-russias-countersanction-policy/> 11.04.2020.

ства? Такая возможность потенциально существует, однако ее реализация будет проходить в сложнейших условиях, не более благоприятных, чем в 2014–2015 гг. «...Не приходится ожидать скорых внешнеэкономических сдвигов, благоприятствующих нашей стране. Вряд ли произойдет в близлежащем времени отмена санкций. Уповать на заявления ряда политических деятелей и представителей европейского бизнеса, высказывающихся против антироссийских санкций, не реалистично. Европа сейчас не в том положении, чтобы пойти наперекор позиции США. Экономика ЕС балансирует на грани рецессии и слишком зависима от американского рынка...»¹. Постановим вопрос иначе: разве сказанное Е. М. Примаковым справедливо только по отношению к России? Санкции в отношении Беларуси отсутствуют? У наших белорусских партнеров существуют если не идеальные, то хотя бы нормальные условия для экономического и политического сотрудничества с Европой? Ответ очевиден — нет. Проблема не в том, что Брюссель не устраивают равноправные отношения с конкретным политиком в Минске. Проблема в том, что ЕС даже сегодня, в условиях системного кризиса, на восток ориентирован в классическом бюрократическом формате: «я начальник — ты дурак».

Следует признать все сложности в отношениях Москвы и Минска. «...К своему 20-летию Союзное государство Белоруссии и России подошло с неудовлетворительными результатами, которые можно (курсив наш — *В.Ш., Н.М.*) исправить, опираясь на политическую волю руководства двух стран» [24, с. 65]. Однако на западном треке у Беларуси нет возможностей наладить сотрудничество на основе уважения к своему суверенитету, традициям, историческому опыту и планам экономического развития. Это заставляет еще раз Москву и Минск искать новые форматы взаимодействия.

Литература

1. Бордачёв Т., Панова В., Сулов Д. БРИКС и пандемия соперничества [Электронный ресурс]. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Апрель, 2020. URL: <https://ru-valdaiclub.com/a/reports/briks-i-pandemiya-sopernichestva/>. С. 7–8.
2. Бугорина О. В. Сужение Европейского Союза и потенциал интеграции // Современная Европа. 2020. № 2. С. 20–32.
3. Власенко М. Н. Нефтяной спред как фактор развития белорусской экономики // Банковский вестник. 2015. № 3 (620). С. 20–27.
4. Власенко М. Н. Оценка качественной составляющей экономического роста Республики Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2011. № 2. С. 100–110.
5. Гайдар Е. Т. Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 4–24.
6. Готовский А. В. Политика повышения заработной платы в контексте сбалансированности экономики // Белорусский экономический журнал. 2011. № 2. С. 31–42.
7. Громыко Ал. Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. № 2. С. 6–19.
8. Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства». Вильнюс : Центр восточноевропейских исследований, 2012.
9. Зайцева Е. Особенности формирования государственной инвестиционной политики Республики Беларусь в современных условиях // Банковский вестник. 2019. № 4. С. 61–72.
10. Крастев И. Завтра уже наступило [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zavtra-nastupilo/>
11. Лукьянов Ф. Маятник капитализма: почему государства боятся глобализации [Электронный ресурс] // Совет по внешней и оборонной политике. URL: <http://svop.ru/main/15236/28.04.2015>
12. Максимцев И. А., Межевич Н. М. Экономическая интеграция в Большой Евразии: возможности и вызовы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 7–10.

¹ Е. Примаков: единственная альтернатива для России — опора на внутренние резервы и возможности [Электронный ресурс] // ТПП-Информ. URL: http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/5385.html (дата обращения: 13.01.2020).

13. Максимцев И. А., Межевич Н. М., Королева А. В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 60–78.
14. Мау В. А., Ясин Е. Г. Двадцать лет рыночных реформ и новая модель экономического роста. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
15. Межевич Н. М. Республика Беларусь в системе интеграционных проектов: мнимые и реальные альтернативы? // Беларусь у сучасным свеце: материалы XIV Международной конференции, посвященной 94-летию образования Белорусского государственного университета, 29 октября 2015 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. 351 с.
16. Межевич Н. М., Рослякова Н. А. Динамика взаимодействий в Евразии и роль России и Беларуси в развитии экономических взаимодействий // Магілёўскі Мерыдыян. 2017. Т. 17, вып. 1–2 (37–38). С. 47–51.
17. Мир в маске. Социально-политические аспекты пандемии коронавируса [Электронный ресурс] // Политген. Аналитический центр. URL: <https://www.politgen.ru/analytics/reports/mir-v-maske-sotsialno-politicheskie-aspekty-pandemii-koronavirusa/>
18. Николов С. Конец белорусского «чуда» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. Т. 108. № 2. С. 77–85.
19. Пареньков Д. Политические эффекты пандемии: рост спроса на консервативные ценности [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskie-effekty-pandemii/> 20.04.2020
20. Рожовская Е. А. Ограничения, риски и возможности экономического роста в республике Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2020. № 1. С. 22–40.
21. Рослякова Н. А., Межевич Н. М. Концепция Союзного государства в общей системе евразийских интеграционных проектов // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2015. Т. 6. № 1(18). С. 62–67.
22. Рудый К. В. Структурные экономические реформы: необходимость для республики Беларусь и зарубежный опыт // Белорусский экономический журнал. 2015. № 1. С. 30–41.
23. Стрежнева М. Наднациональность и принцип субсидарности в ЕС и за его пределами // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 6. С. 5–14.
24. Суздальцев А. И. Кризис Союзного государства Белоруссии и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 56–67.
25. Управление государственным сектором экономики : монография / М. М. Ковалев [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2018.
26. Шамахов В. А. Анализ условий евразийской экономической интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 1 (19). С. 29–34.
27. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Анализ экономической модели республики Беларусь: контекст государств Прибалтики // Управленческое консультирование. 2018. № 11 (119). С. 35–43.
28. Шамахов В. А., Межевич Н. М. К юбилею Союзного государства: некоторые экономические параметры и политические ограничители // Управленческое консультирование. 2019. № 12 (132). С. 10–16.
29. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Тенденции развития в глобальной экономике как предпосылка для изменений на рынке труда // Управленческое консультирование. 2019. № 5 (125). С. 9–17.
30. Янчук А. Л. Стратегии и приоритеты развития стран постсоветского пространства: состояние и перспективы // Белорусский экономический журнал. 2020. № 1. С. 113–122.
31. Stigler G. Trends in Employment in the Service Industries. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1956.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Bordachev T., Panova V., Suslov D. BRICS and the rivalry pandemic [Electronic resource]. Valdaia International Discussion Club. April, 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/briks-i-pandemiya-sopernichestva/>. P. 7–8. (In rus)
2. Butorina O. V. Narrowing the European Union and the potential for integration // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2020. N 2. P. 20–32. (In rus)
3. Vlasenko M. N. Oil spread as a factor in the development of the Belarusian economy // Bank Bulletin [Bankovskii vestnik]. 2015. N 3 (620). P. 20–27. (In rus)
4. Vlasenko M. N. Assessment of the qualitative component of economic growth of the Republic of Belarus // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2011. N 2. P. 100–110. (In rus)
5. Gaidar E. T. State burden on the economy // Economic issues [Voprosy ekonomiki]. 2004. N 9. P. 4–24. (In rus)
6. Gotovsky A. V. Wage raising policy in the context of economic balance // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2011. N 2. P. 31–42. (In rus)
7. Gromyko A. I. Metamorphoses of political neoliberalism // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2020. N 2. P. 6–19. (In rus)
8. Eurasian Union: a challenge for the European Union and the Eastern Partnership states. Vilnius: Center for Eastern European Studies, 2012. (In rus)
9. Zaitseva E. Features of the formation of the state investment policy of the Republic of Belarus in modern conditions // Banking bulletin [Bankovskii vestnik]. 2019. N 4. P. 61–72. (In rus)
10. Krastev I. Tomorrow is already [Electronic resource] // Russia in global politics. 2020. N 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zavtra-nastupilo/> (In rus)
11. Lukyanov F. Pendulum of capitalism: why states are afraid of globalization [Electronic resource] // Council on Foreign and Defense Policy. URL: <http://svop.ru/main/15236/> 28.04.2015. (In rus)
12. Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M. Economic integration in Great Eurasia: opportunities and challenges // Messenger of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. N 3 (111). P. 7–10. (In rus)
13. Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M., Koroleva A. V. Economic development of the Baltic States and the Nordic countries: on the specifics of economic models // Baltic region [Baltiiskii region]. 2017. V. 9, N 1. P. 60–78. (In rus)
14. Mau V. A., Yasin E. G. Twenty years of market reforms and a new model of economic growth. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. (In rus)
15. Mezhevich N. M. The Republic of Belarus in the system of integration projects: imaginary and real alternatives? // Belarus in the modern world: materials of the XIV International Conference dedicated to the 94th anniversary of the founding of the Belarusian State University, October 29, 2015/Editorial council: V. G. Shadursky [etc.]. Minsk: BSU Publishing Center, 2016. 351 p. (In rus)
16. Mezhevich N. M., Roslyakova N. A. Dynamics of interactions in Eurasia and the role of Russia and Belarus in the development of economic interactions // Mogilev Meridian [Magileŭski Merydyan]. 2017. V. 17, issue 1-2 (37-38). P. 47–51. (In rus)
17. The world is in a mask. Socio-political aspects of the coronavirus pandemic [Electronic Resource] // Politgen. Analytical center. URL: <https://www.politgen.ru/analytics/reports/mir-v-maske-sotsialno-politicheskie-aspekty-pandemii-koronavirusa/> (In rus)
18. Nikolyuk S. The end of the Belarusian “miracle “ // Bulletin of public opinion: Data. Analysis. Discussions [Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii]. 2011. V. 108. N 2. P. 77–85. (In rus)
19. Parenkov D. The political effects of the pandemic: increasing demand for conservative values/ [Electronic resource]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskie-effekty-pandemii/> 20.04.2020. (In rus)
20. Rozhkovskaya E. A. Limitations, risks and opportunities of economic growth in the Republic of Belarus // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2020. N 1. P. 22–40. (In rus)
21. Roslyakova N. A., Mezhevich N. M. The concept of the Union State in the general system of Eurasian integration projects // Scientific works of NWIM of RANEPa [Nauchnye trudy SZIU RANKhiGS]. 2015. V. 6. N 1 (18). P. 62–67. (In rus)
22. Rudiy K. V. Structural economic reforms: necessity for the Republic of Belarus and foreign experience // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2015. N 1. P. 30–41. (In rus)

23. Strezhneva M. Supranationality and the principle of subsidiarity in the EU and beyond // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2016. V. 60. N 6. P. 5–14. (In rus)
24. Suzdaltsev A. I. Crisis of the Union State of Belarus and Russia // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2020. V. 64, N 3. P. 56–67.
25. Management of the public sector of the economy: monograph / M. M. Kovalev [et al.]. Minsk: BSU Publishing Center, 2018. (In rus)
26. Shamakhov V. A. Analysis of the conditions of Eurasian economic integration // Eurasian integration: economy, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2016. N 1 (19). P. 29–34. (In rus)
27. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Analysis of the economic model of the Republic of Belarus: the context of the Baltic states // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 11 (119). P. 35–43. (In rus)
28. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. On the anniversary of the Union State: some economic parameters and political restraints // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 12 (132). P. 10–16. (In rus)
29. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Development trends in the global economy as a prerequisite for changes in the labor market // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 5 (125). P. 9–17. (In rus)
30. Yanchuk A. L. Strategies and priorities for the development of the countries of the post-Soviet space: state and prospects // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]]. 2020. N 1. P. 113–122. (In rus)
31. Stigler G. Trends in Employment in the Service Industries. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1956.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhovva@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Head of the Center for Belarusian Studies of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru